

*Уже перевалила стрелка
И все двенадцать часовых.*

Стихи
Пантелеева Елизавета

Елизавета Пантелеева

Стихи. Уже перевалила стрелка

<https://litres.ru/74570484>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга - сборник стихов, в которые входят вопросы, размышления и состояния; что-то близкое или очень далекое.

Содержание

Глава	4
И ОСТАВАЛСЯ ТОЛЬКО ВЕТЕР	4
И ТАК ДО САМОГО УТРА СЕГОДНЯ	6
ТЕБЕ СКАЗАЛИ, ПЛЫТЬ ЕЩЕ ЖИВЕЙ	8
И СЛОВНО БЫЛО ВРЕМЯ СМЕРТИ	10
ТАМ ЗА СЕМЬЮ МОСТАМИ МОРЯ	12
И ДЕЛО БЫЛО В ЭТУ ЗИМУ	14
ВЫХОДИТ ДЕНЬ, ВЫХОДИТ ПОЛДЕНЬ	18
И СЛУЧАЙ БЫЛ НЕ ВЫЯСНЕН	19
ГОРЕЛИ СТЕНЫ – ВСЕ ЧЕТЫРЕ	21
И ПАРУС. ПАРУС ОДНОНОГИЙ	23
ПОСЛЕДНИЙ БЫЛ МАЯК ДВУНОГИЙ	25
ОСТАВИТ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Елизавета Пантелеева

Стихи. Уже перевалила стрелка

Глава

И ОСТАВАЛСЯ ТОЛЬКО ВЕТЕР

Дождливых две недели лета,
Переколочено окно,
И с крыши, как-то незаметно,
Как слезы, все текло, текло.
Разбавить может, кипятком под вечер,
На охладившемся крыльце,
И стульчик выставить, как лица
Все повернут всегда к воде.
На виноградниках все тихо,
В сплетенном, как бы узелке,
И пара капель чуть повыше
Однажды сходятся к руке.
И как-то глохнут разговоры,
Смотрел всю дальность во дворе;

Вся пыль прибита, а невзгоды
Всецело вручены тебе.
Дождливым летом, как спросонья
Никак ничто не разберешь,
То было как - виднелись горы,
Теперь же – только потолок.
И оставался только вечер,
На островке и на крыльце,
И оставался только ветер,
Он, как сквозняк гулял в тебе.

И ТАК ДО САМОГО УТРА СЕГОДНЯ

Речной канал потухших мыслей,
Ночная тень и мрачный свод;
Утопший вымысел все длится,
И тянет за собой на дно.
Прицепом едет вереница
Непроходимых облаков,
В которых тяжесть только длится,
Без окончательных двух слов.
Больной удар двух смятых башен -
В висках заело насовсем,
И не отделаться, там сажень
Вполне увесистых проблем.
И лес густой, где жуткой встряской
Клонило дерево к земле,
И лист упал, промокший страшно,
Как ходит осень во дворе.
И по стене усталой речью
Катился скомканный туман –
Он обвивал всегда за плечи,
И путал время навсегда.
И так до самого утра сегодня,

В смешении всех остывших слез,
Упал обветренной обоймой
Былой запас уставших грез.

ТЕБЕ СКАЗАЛИ, ПЛЫТЬ ЕЩЕ ЖИВЕЙ

У осени щемило сердце,
У осени бок о бок дождь,
И там на кухне, выцветшая занавеска,
Как признак, что здесь был июль.
Нигде нет капли равноденствий,
Порог, и вот он – новый страх;
Ничто ни с чем не выровнялось вместе,
У дел способность – быть наперекосяк.
Все это время полдень спрятан в клетку,
Под утро есть гроза, под вечер лист
Никак не стал исписанной страницей,
В долях тех слов, где люди любят жить.
Не взбалмошная вереница,
А этот, протяженный вдоль столиц
Намокший тротуар; и только он и снится!
И невозможно никогда дружить!
И может показалось,
Что можно высветить хоть что-то изнутри,
И хочется уверить в этом. Пакость,
Ты только написал большой огромный иск.
Замок просел – но это ладно,

И выдернули из большой реки!
В конечно счете все уже неладно,
И там такой сугроб плыл вопреки!
На следующем закате,
Ты где-то обещал увидеть свет,
И приходилось просыпаться рано,
А после выйдет так, – что не успел.
Чуть позже, открывалась рана.
Врача кричали. Ты не смог позвать,
Так, чтоб оторваться от досады,
Что самому тебе и не поднять.
Прошло полгода.
И как-то ночью заскрипел маяк,
Как от больших влияний непогоды,
Как от твоих всех мыслей невпопад.
Там выкрутили лампу,
И погасили сразу десять этажей!
Тебе не дали свечку. Ладно.
Тебе сказали, плыть еще живей!

И СЛОВНО БЫЛО ВРЕМЯ СМЕРТИ

Горел фонарь в одной из улиц,
В других же – только темнота;
Гулял меж ними одичавший,
И вопиющий дождь, сполна.
В калитке было приоткрыто,
И где-то ж есть здесь жизнь, иль как?!
И как здесь могут поместится
На карусели облака?
Здесь было ветрено и тихо,
Никто ничто не говорит,
Как будто в сговоре со всеми
Весь мир изжил себя и сник.
В чужом дворе все было странно,
Ты был к столу незванный гость,
И на оконной белой раме
В глаза узнал ты только грусть.
И было время для тумана –
Он уже бросил первый луч:
Спускаясь меж домами плавно
Он затерял в кармане ключ.
И снова слишком тихо всюду;

Лишь подоконник и дожди —
Капля за каплей, спотыкаясь
Вбивали в плоскости следы.
И словно было время смерти
От тишины со всех сторон,
От этого дождя до нитки,
От неизвестности, где дом.

ТАМ ЗА СЕМЬЮ МОСТАМИ МОРЯ

Там за семью мостами моря,
За гроздью миллиарда волн,
Шесть тысяч лет стоял горою,
Шесть тысяч лет – один вопрос.
А перед ним все было жарко,
В поте лица длиннейший миг.
Подчас он разрывался схваткой
Двух крайних черт; он был велик.
Мечта пред этим холодела,
Сменяла облик свой и лик –
Узнав хоть черточку мгновенья,
Она рвалась идти за ним.
Там над последней головою,
Сорвав последние тиски,
Вдруг исчезало слово «горе»;
Там длиться; а не час тоски.
Однажды, чем-то прикоснувшись,
Заслышав голос, как слова,
Упал, споткнувшись о минуту,
Где ты не верил никогда.
И снова бедствие попутно,

Здесь лишь обломки корабля;
Ну согласишься же, что на осень
Ты сразу высказал - «беда»!
И ничего не увидавши сроду,
Оставшись, с чем пришел сперва –
Ты в воду канул, да и только;
И даже пропасть не создал.

И ДЕЛО БЫЛО В ЭТУ ЗИМУ

1

За домом, вывеской уставшей
Обрамлен сухой забор;
У сухих листьев вид неважный,
И вид не важный за окном.
Стекло из сложенных осколков
Никак не клеится к груди.
Все только частью или боком,
И на разводах старых окон
Былой навет в семи потоках,
Былой, гостивший здесь недолго,
Былой, как прошлый месяц года,
Былой, уставший жить помногу!
И в спальне, как погасший случай,
Свеча сравнилась с долгой тучей –
Раскисла в рукаве у сучьев
От долгой мороси летучей.
И длинный выпад коридора
Совсем не к месту в этот дом -
В забытой наглухо деревне,
Свялявшийся на горло ком.
Там в ящике к лицу у входа
Болтался желтый ключ, звеня,

Болтался ветреным напором,
И говорил, что прожил зря.
Но снова в дверь колотит стужа
Своим усилием копыя.
Копья, где острие подушки
На ухо давит тенью дня.
И хочешь разговор послушать,
И где-то ж, право, есть земля?!
И, где-то ж есть остаток лужи,
Где нет упадка сентября?!
А у тумана гнет потуже,
И лай собаки, затяжной, -
Она ж, не выдержав удушья,
Скулит, как сбившийся прибой.
Незастекленная площадка
В пристройке к дому той порой,
Когда кладя кирпич в основу,
Всё думал жить другой мечтой.
Табличка дома покосилась,
И очень хрупкий был настил,
И выяснение причины
Идет длиною каждого жил.

2

Была в деревне этой, осень,
Была и прежде здесь – всегда,

Но есть последняя в подсчете осень,
Где день идет, и не туда.
Все это место стало старым,
И больше нету очага,
Где грел ты руки под усталый
Звук сквозняка из-за угла.
Зима, как звуки, непрерывно,
К часам шести утра зашла,
Сугробом осени недавней,
Сугробом всяких «дел сперва».
Расчистишь тропы – снова носит
Все стоги снега без конца.
Налип на нос морозной осяю,
Несносный выговор в глаза.
Теперь – заходишь в дом протяжно,
Дверь все сложнее закрывать.
«Да пусть метет хоть целый сажень!
А может быть, не наплевать?»
И утро снова входит рано,
Нету усилий досыпать,
Ведь так промерзли ноги за ночь,
Что уже нечем укрывать.
И снова двор, и снова льдины.
Иль все же осень – благодать?
Да и весной найдутся силы
Весь мир со дна переворачивать.

И дело было в эту зиму,
И дело было – пережить;
Чтобы заботой на усилье
Хотя бы один день сложить.

ВЫХОДИТ ДЕНЬ, ВЫХОДИТ ПОЛДЕНЬ

Выходит день, выходит полдень,

И рвется ночь уже в забор,

И может прежде было вровень,

А может – луч наискосок.

Неугомонная дорога,

Кишмя кишели камыши,

И завесь описи врожденной,

Как туча прямо из груди.

Болотный промысел злословья,

Ничто не держится в пути,

И взгляд у ливня исподлобья –

Сложили руки на груди.

Там на воде от парохода

Всецело раздают огни,

Но когда ты плывешь за бортом,

То они слепят на пути.

Четвертый день всего восторга,

А пятый уж на волоске,

Он опустел, задумав что-то,

Когда он был навеселе.

И СЛУЧАЙ БЫЛ НЕ ВЫЯСНЕН

И это небо дышит – темный воск ползучий,
Отравленная радость на лице.
Все это – уже прошлый случай,
Но снова он крадется по тебе.
Ничто не покидает, просто свиснув.
Все снова, но уже в другом лице.
Овраг на ширину отличий
Мыслей, зарывшихся на глубине во тьме.
И случай был не выяснен,
Он просто заболтался до тех слов,
Которыми ты уже не напишешь письма,
Которым в пору брать на имя – «пустослов».
И день в низинах примеси –
Чуть только заикнулся – и на дно.
Беги в своем болоте-вывеске,
Где только цвет горит, и больше ничего.
И все это копалось в горькой извести,
И круг пытался извести твой сон.
Да только вот - ты сам остаток примеси,
И брошен безысходностью на стол.
А где-то дальше, мелом выскребли,
Да так, что отдавало по ушам,
И уходя от кассы выжатый,

Ты был не более, чем кожа.
Сомкнулось место исподволь,
И кто-то мерой бродит по пятам,
Чтоб кто-то вдоволь сникнувший,
Вдруг понял, что ничто не может сам.

ГОРЕЛИ СТЕНЫ – ВСЕ ЧЕТЫРЕ

Все шло, как день седых затмений,
Стекался голос на плечо,
И мнимость всяких уверений
Мешалась с головой в песок.
Седые двери или стены,
И их уже не разберешь;
Захочешь посмотреть на время,
А там все время дождь идет.
Устала люстра быть светильней,
Устал ты в зеркало смотреть,
Ведь в каждом коренном мгновенье
Уже и не на что глядеть.
И в долгом слове у балкона
Бился о стену ржавый ключ,
Заросший комом непогоды,
Как старый выжившийся плющ.
Горели стены – все четыре,
Ни одной буквы не храня;
По очереди в этом иле
Впоследствии волна пошла.
Горели стены – стены дома,
И все четыре стороны
Граничили всегда с восходом,

И в долгий угол свой вели.
Неограниченное завтра,
Неограниченный простор.
Какая тень кладется наземь?
Какая - в даль всех облаков?

И ПАРУС. ПАРУС ОДНОНОГИЙ

И тонет вдалеке маршрута
Пробитый парус синевой.
И там закат, как бы над ухом,
И там закат большой, морской.
Менялся цвет перед предлогом,
Там флаг упал с огромных крыш,
И были нервы на исходе
Каждой частичкой каждого сил.
Шепчет волна, крадет у моря,
Сравнявшийся с природой штиль.
И парус. Парус одноногий –
Он сам себя не смог нести.
В него врезался прежде, ветер,
И словно, как бы сообща
Они бежали схваткой света
С этой обложкой бытия.
Но промахнувшись днем унылым,
И не собрав ответных сил,
Он был пробит у середины,
Как быют по голове мечты.
И погружаясь вниз пучины
С этим обломком корабля.
В конце он все ж таки приметил,

Какой есть свет, и где звезда.
И выход был всегда у входа –
Одна висела сторона,
Но упираясь во вторую,
Другая стала вдруг светла.

ПОСЛЕДНИЙ БЫЛ МАЯК ДВУНОГИЙ

Последний был маяк двуногий,
И он попал в туманный залп —
Обратной стороной дороги
Он всех повел, как по гвоздям.
И бьется цепь над ухом словом —
Ты в одночасье окружен
Своим нелепым мрачным мором,
Повальным с разности сторон.
А на мосту ржавеет небо,
И ты не видишь белый слой.
Хоть заори на долю снега,
Что он не сделал мягче бой.
Неустремленное движение,
Толпа желающих пройти,
Чтоб избежать попытки времени
Всех к одной мысли довести.
И жизнь слагается, как бремя,
И уж нельзя приобрести
Себе отдельное мгновенье,
Где ты в своем только пути.
И напряжение до предела —

Натянуты на нерв все дни.
Когда лишь разница в системе,
Тогда есть место для беды.
И только вздохами предела
У стен, сомкнувшейся петли,
Один кирпич тянули семеро,
И остальные помогли.

ОСТАВИТ

Было совсем темно, и с неба,
Не падали никак огни,
И все, как день осточертело
А еще столько надо жить.
В окраине всегда затишье,
Где-то последний человек
Как вздох столь беглой спички,
Вдруг погасил последний свет.
Терялся часто с непривычки,
И может, чудом уцелел,
И там всегда донельзя взвинчен,
Как будто бы и в бред глядел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.